

Ло Ханьян не знала, что происходило на съёмочной площадке, пока была занята обсуждением мелких рабочих моментов с режиссёром Ваном. Закончив разговор, она направилась к своей зоне отдыха, чтобы немного передохнуть.

Подняв голову, она неожиданно заметила на пустом до этого месте знакомый силуэт. Это была её новая покровительница.

Сы Тинъюэ сидела с присущей ей грацией, выделяясь даже в этом укромном уголке, и пристально наблюдала за Ло Ханьян из-за спин спящих людей. Ло Ханьян закусила губу, некоторое время нерешительно топталась на месте, но в конце концов набралась смелости и медленно подошла к ней.

На столике рядом с Сы Тинъюэ стоял дымящийся термос с открученной крышкой. Видимо, вода была слишком горячей, и Сы Тинъюэ оставила её остывать. Заметив приближающуюся Ло Ханьян, она тут же смахнула пыль с соседнего стула и жестом пригласила:

— Садись.

Ло Ханьян послушно села рядом. Не успела она опомниться, как Сы Тинъюэ добавила:

— Термос новый, из него никто не пил.

Сы Тинъюэ пододвинула к ней термос и мягко произнесла:

— Случайно захватила с собой пакетик с коричневым сахаром. Ты на съёмках одета легко, так что горячий напиток будет в самый раз.

Ло Ханьян хотела было вежливо отказаться, но, сбитая с толку чередой действий покровительницы, лишь растерянно смотрела, как перед ней оказывается дымящаяся чашка. Ло Ханьян была настоящей кошкой: у неё был чувствительный язык, она до ужаса боялась обжечься и не любила горячее.

Она взяла термос, сначала принялась, пытаясь уловить аромат напитка, а затем осторожно, по чуть-чуть, начала наклонять его к губам.

— Потихе, сначала остуди, — посоветовала Сы Тинъюэ.

Ло Ханьян, сделав крошечный глоток, тут же с шипением отпрянула. Она испуганно высунула кончик языка, пытаясь охладить его прохладным воздухом, а губы её онемели от жара. Услышав совет, она повернулась к Сы Тинъюэ, и облако пара окутало её лицо.

Сы Тинъюэ наблюдала за тем, как Ло Ханьян морщится от боли, смешно вытягивая язык,

словно котенок, и не знала, смеяться ей или жалеть девушку.

— Пей спокойно, — добавила она.

Ло Ханьян, не заметив даже рисунков с милыми котятами на корпусе термоса, почувствовала, что раз уж добрая воля покровительницы проявлена так открыто, отказываться не стоит. Она обхватила теплые стенки сосуда и тихо прошептала:

— Спасибо.

От этого зрелища сердце Сы Тинъюэ дрогнуло, лед в её глазах, казалось, растаял, а взгляд стал удивительно нежным.

Ло Ханьян принялась старательно дуть в термос, чтобы остудить напиток. Наконец, решив, что температура стала приемлемой, она сделала еще один маленький глоток.

На самом деле она впервые пробовала воду с коричневым сахаром. Ло Ханьян знала, что в мире людей полно напитков, но большинство из них содержали странные ароматизаторы. У неё, как у кошки, вкусовые рецепторы были развиты куда острее, чем у людей, поэтому она чувствовала неприятные химические привкусы и не могла их пить. За те несколько лет, что она жила в человеческом облике, она пила только воду и молоко.

Этот напиток оказался слишком приторным, с каким-то навязчивым сладким привкусом, который ей совсем не понравился. Сделав еще пару вежливых глотков, она поставила термос на стол:

— Спасибо, госпожа Сы, мне достаточно.

Сы Тинъюэ не стала настаивать:

— Хорошо.

Она опустила взгляд на термос, который снова оказался перед ней. Когда Ло Ханьян пила, она внимательно следила за её лицом — та на мгновение неосознанно нахмурилась, и этого было достаточно, чтобы понять: вкус ей не по душе. В оригинале книги упоминалось лишь то, что Ло Ханьян — кошка, привередливая в еде и обладающая тонким вкусом. Больше ничего. Оригинальная владелица тела никогда не заботилась о её предпочтениях, просто пихала что попало, не обращая внимания на реакцию. Возможно, даже сама Ло Ханьян не знала, что именно ей нравится.

Но ничего, подумала Сы Тинъюэ, когда её кошечка переедет к ней, она будет каждый день готовить для неё разные завтраки, обеды и ужины. И так, шаг за шагом, выяснит, что та любит больше всего.

Сы Тинъюэ успокоилась и незаметно придвинула термос к себе.

В этот момент на площадке раздался голос режиссёра Вана из громкоговорителя:

— Ло, начинаем!

Услышав своё имя, Ло Ханьян подскочила со стула, но тут же вспомнила, кто сидит рядом. Она вытянулась в струнку, словно маленькая сосенка, и робко покосилась на Сы Тинъюэ:

— Госпожа Сы... я могу идти работать?

Ло Ханьян не знала, как другие содержанки общаются со своими покровителями, но теперь, когда статус Сы Тинъюэ официально изменился, она стала еще более скованной.

Сы Тинъюэ, сдерживая улыбку, кивнула и приподняла подбородок:

— Иди. Постарайся показать себя с лучшей стороны перед режиссёром.

Ло Ханьян с облегчением выдохнула и почти побежала на площадку. На бегу она невольно задумалась: почему тон госпожи Сы прозвучал так, будто она — родитель, отправляющий ребенка на кружок? Постарайся там, покажи себя, а вернешься — дам конфетку.

Ло Ханьян представила Сы Тинъюэ в роли родителя, и сравнение показалось ей пугающе точным. От этой мысли её щеки слегка покраснели.

<http://bllate.org/book/21471/2197045>